

ДЖОРДЖ
БЕЙКЕР

ТИБЕРИЙ

ПРЕЕМНИК
АВГУСТА

Nomen est **omen**

ЦЕНТРОПОДКЛАДКА

Nomen est Omen

Джордж Бейкер

Тиберий. Преемник Августа

«Центрполиграф»

Бейкер Д.

Тиберий. Преемник Августа / Д. Бейкер — «Центрполиграф»,
— (Nomen est Omen)

Книга в увлекательной форме рассказывает о жизни и правлении преемника Августа – римского императора Тиберия. Личность этого правителя, представляющая несомненный интерес с исторической точки зрения, до сих пор остается психологической загадкой. Автор, используя свидетельства великих историков древности – Тацита, Светония и достижения современных исследований, наиболее полно воссоздает образ Тиберия.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Джордж Бейкер Тиберий. Преемник Августа

Предисловие

Правление Тиберия, второго римского императора, было политическим полем битвы со многими поражениями и победами. Потерь было больше, чем побед... Эти проблемы немногим отличаются от тех, что беспокоят сегодня нас.

История Тиберия не имеет прямых параллелей с современностью. Эти параллели – если они вообще существуют – касаются следующих после нас поколений. Рассказ пойдет о том, что происходит в дальнейшем с однажды установленной диктатурой... Установленная Гаем Юлием Цезарем диктаторская власть имеет одинаковую природу с другими автократиями. Фактически, она продолжалась в течение восемнадцати столетий. Ни одна из греческих диктатур не была столь длительной. Лишь преемники Цезаря дали нам представление о том, что может случиться с диктаторской властью... И мы видим, как она неизбежно оборачивается властью монархической.

Тиберий был активным проводником временного правления Цезаря, а затем рискованного принципата Августа, сущность которого в последующей реальности едва ли распаталась.

Природу монархической власти не обязательно изучать в ее окончательных формах. Надо рассматривать ее проблемы, пока она еще молода и подвижна и постепенно приобретает форму под воздействием времени. Следует понять, какая именно сила заставляет монархию становиться наследуемой, а не выборной или назначаемой; какова необходимость делать ее постоянной; надо наблюдать за ней с ее первых начальных шагов, подмечая те особенности, которые впоследствии, при близком с ней знакомстве, кажутся изначально присущими ей, но которые в действительности были приобретенными – или, скорее, завоеванными.

Исходящая из диктатуры Цезаря, или, можно сказать, с трибунской власти Гая Гракха, через диктатуру Суллы, римская монархия положила начало монархии европейской, и ее прямое наследование продолжалось до 1453 г., когда ее свергли турки. Ее преемство через Священную Римскую империю продолжилось до времен Наполеона, а через Маробода и Арминия стало основой монархической власти Англии, Франции, Испании, России и Скандинавии. До Цезаря Северная Европа управлялась вождями, которые до сих пор сохранились в шотландских кланах.

Конкретная история всегда лучше теоретических размышлений. Читатель сам в состоянии увидеть водоворот текущих событий. Реальная истина, в конце концов, никогда не лежит полностью в области теории; большая часть ее – это рассказ, который с появлением письменной истории должен рассматриваться лишь как первая часть книги, которая продолжается сегодня и будет продолжена завтра в соответствии с определенным сюжетом... Если кому-то покажется, что рассказ о Тиберии оставляет много неясного и неопределенного, ему следует напомнить, что это лишь часть сериала, который продолжат следующие за нами поколения.

Однако история Тиберия вызывает не только политический интерес. Он всегда был и остается величайшей психологической загадкой в истории. Он одновременно Гамлет, и Лир, и Отелло, и в то же время нечто большее. Мы располагаем о Тиберии массой сведений, которые за девятнадцать столетий так и не помогли полностью его понять. Из этих данных мы можем составить представление, полностью достоверное, о двух разных людях: один – жесткий, прямолинейный и суровый, справедливый, талантливый государственный деятель; другой – жестокий, развращенный и безнравственный монстр. Когда мы начинаем соединять его в одного человека, тут-то и начинаются неожиданности. Некоторые свидетельства неоднозначны

и могут истолковываться по-разному... Поэтому, вероятно, всегда останется место для различных суждений относительно истинного положения вещей... В том огромном хранилище чистосердечных признаний, что, несомненно, существует на небесах, мы найдем записи, которые компенсируют нам бесплодные поиски в этом изменчивом мире.

Многое из описанного в этой книге теперь стало очевидностью. Нет необходимости отвергать обвинения в аморальности Тиберия или сложность его характера в целом. На свете бывали и гораздо более дурные люди, и современные читатели Тацита или Светония скорее должны оценивать их произведения как написанные на хорошей латыни, блестящие памфлеты и занимательную подборку сплетен, нежели выражать признательность авторам за бесстрастную картину объективной реальности.

Что же касается самого рассказа – помимо того что он освещает отрезок политической истории, – если он сможет воздействовать на наш разум так, что мы уясним вытекающие из него уроки, мы, по крайней мере, сможем надеяться, что, что бы с нами ни происходило, с нашей цивилизацией ничего подобного не случится. Известный миф об Ионе выразил ту вечную истину, что цель пророчества не предсказывать будущее, а увериться в том, что оно станет неожиданностью. Правдивый предсказатель – это лжепророк.

Дж. П. Б.

Элмер, Сассекс

1928

Глава 1

Триумф Августа

13 августа 29 г. до н. э. колесница, запряженная четырьмя конями, стояла за воротами Рима в лучах италийского солнца. По обе стороны ее готовы были сопровождать двое конных юношей четырнадцати и тринадцати лет. Первым был племянник Августа, сын его сестры Октавии Марк Марцелл, другим – его пасынок Тиберий Клавдий Нерон... Так Тиберий вышел на историческую сцену, – что ждет его впереди, вероятно, уже тогда занимало умы зрителей.

Подростки были частью пышной торжественной процессии, которая три дня, в блеске золота и серебра, в богатом восточном убранстве, в сиянии вымпелов, медленно продвигалась от Марсова поля через Триумфальные ворота, вокруг Палатинского холма вверх по Священной дороге. Впереди шествовали ряды сенаторов в окаймленных пурпуром мантиях, за ними следовали трубачи, сверкавшие медью труб, повозки, полные трофеев, белые, увенчанные цветами быки с позолоченными рогами, несущие священные сосуды жрецы, рослые иллирийцы, смуглые египтяне, светловолосые галлы, одетые в алые одежды ликторы с фасцами, обернутыми лавровыми ветвями, толпа музыкантов и певцов – все они двигались медленным маршем в сопровождении бронзовых от египетского солнца и киликийских ветров, сверкающих блеском оружия легионеров, несущих позолоченные штандарты с орлами... Впереди всей процессии на триумфальной квадриге, за которой следовали высшие магистраты государства, возвышалась легкая фигура человека с бледным лицом, печальными глазами и почти девичьим рисунком рта. Гай Юлий Цезарь Октавиан был главным персонажем всего этого великолепия. Это был триумф Августа.

Никогда прежде не бывало подобного триумфа¹. После двадцатилетней гражданской войны, разбросавшей и унесшей жизнь многих замечательных людей, воссияла золотая заря нового века. В этой процессии шли бы закованные в цепи Антоний и Клеопатра, если бы они сами не позаботились о том, чтобы этого не случилось. Корабли, участвовавшие в сражении при Акции, двигались на повозках, а за ними везли восковые фигуры мужчины и женщины, бежавших с поля битвы. И если бы какие-то души могли витать в тот полдень над процессией, здесь оказались бы тени Брута и Кассия, Марка Катона, сыновей Помпея и внуков Суллы, все с оковами на руках в знак поражения. И над всеми витал бы невидимый, но все же ощущаемый дух увенчанного Цезаря Диктатора, который инициировал и организовал ряд событий, завершившихся триумфом Августа. Но все они ушли с арены, остался один Октавиан. Это он возвышался над шествующими медленной поступью белоснежными конями, которые влекли процессию через заполненные народом улицы и многолюдный Форум, мимо храмов Весты и Кастора, мимо тянущихся вдоль Форума лавок менял, мимо храма Сатурна к Капитолийскому холму, к стоящему на вершине святилищу отца богов... Когда процессия подходила к Триумфальным воротам, она миновала еще недостроенные здания, которые через несколько лет Август посвятит дорогой памяти ушедшего Марцелла... Огибая храм Сатурна, она прошла через площадь, на которой впоследствии будет воздвигнута Триумфальная арка Тиберия.

Когда, одетый в пурпурную тунику, вытканную цветами и расшитую золотом, Октавиан возложил лавровый венок на статую бога, когда совершены были жертвоприношения и посвященные дары, какие только возможно поднести смертному человеку, началось веселье. Были открыты цирки и театры, были готовы актеры: профессионалы и любители, колесничие и гладиаторы – наступил новый век.

¹ Он продолжался три дня: сначала иллирийское шествие, затем триумф сражения при Акции и, наконец, самая великолепная – египетская процессия.

Август, кем он стал два года спустя, должно быть, радовался тому, что праздники позади и люди могут возвратиться к серьезным повседневным делам. Его никогда не привлекала лишь декоративность. Ему, должно быть, доставило удовольствие закрытие дверей храма Януса. Римляне наслаждались миром. Он вряд ли упустил возможность осмотреть двери храма. Если их петли были бы смазанными, римлян следовало счесть невиданными в истории оптимистами. Однако смазанные или ржавые, они были закрыты, и люди, проходя мимо храма, могли глазеть на то, чего не довелось видеть их пращурам, – закрытые двери храма Януса. Война – на какое-то время – была окончена.

Волна надежд и ожиданий будущего захлестнула государство. Когда в 27 г. до н. э. Август начинал формировать конституционные очертания монархии, его взор уже остановился на молодом Марцелле как на возможном наследнике, который продолжит его дело. В том году он устраивал Троянские игры, древний праздник римской молодежи, ухившийся корнями к дням Энея. Двое юношей, выбранные возглавить их, были Марк Марцелл и Тиберий Клавдий Нерон.

Более того, в том же году Август намекнул Вергилию, что будет приветствовать какое-либо поэтическое признание своего могущества. Великий поэт интуитивно угадал, чего хочет Август. Представленный ему труд был не чем иным, как «Энеидой», символом римского патриотизма и римской веры... В пятой книге он изобразил и сами Троянские игры², которые возглавляли Марцелл и Тиберий; игры представляли собой описание воображаемого прибытия Энея в Италию, и через слезы воспоминаний и надежду на будущее, в которых проявили себя сыновья изгнанных троянцев, он выражал такие же чувства, охватившие людей и на заре новых дней.

Разумеется, именно Вергилий внес эту символику в изображение Троянских игр, проведенных в тот год, когда Октавиан стал Августом; однако его полупророческое чувство было достаточно реальным, и оно, несомненно, тронуло душу Августа. Такое возрождение, и не только государства, но и основавших его знаменитых фамилий, было тем, к чему он искренне стремился... Отбор лидеров для проведения Троянских игр всегда имел особенное значение. Избрание на эти роли Марцелла и Тиберия было равносильно признанию их наиболее обещающими юношами тех дней, показателем того, что Август возлагает на них большие надежды и предрекает великую карьеру... В этой книге содержится изложение того, что сбылось из этих надежд, какие карьеры их ожидали.

Тиберий был пасынком Августа. Ему было четыре года, когда его родители Ливия Друзилла и Тиберий Клавдий Нерон расстались. Август столь поспешно женился на Ливии, что ее второй сын Нерон Клавдий Друз родился уже в новом браке. Естественно, об этом много говорилось, и слухи, что Друз был собственным сыном Августа, едва ли долго оставались неизвестными подрастающему Тиберию. Эти подозрения, возможно, имели основания, поскольку Август всегда выказывал предпочтение Друзу.

Кроме необычного имени и особого пристрастия к нему Августа, Друз очень отличался от Тиберия по темпераменту и характеру. Его дар очаровывать людей и совершенные черты лица в самом деле могли быть унаследованы от семьи его матери, где мужчины всегда выделялись высокими нравственными и интеллектуальными качествами и манерами, однако этим он мог быть обязан и Августу. С другой стороны, Друз отличался в лучшую сторону от Октавиев, среди которых Август был скорее исключением. Все кровные потомки Августа в той или иной степени не выделялись умом... Наконец, Друзу досталась в наследство несчастливая судьба

² Энеида, v, 545—603. Он рисует живую картину конных состязаний юношей, увенчанных венками, с золотыми цепями на груди. Юноши разделяются на три отряда: первый возглавляет юный Приам, другой – Атис (предок Августа по материнской линии) и третий – Юл (от которого пошли Юлии, предки его бабушки с материнской стороны). Три отряда делятся пополам и скачут в пересекающихся кругах, затем снова сходятся вместе – вид верховного танца, грациозно исполняемого юношами, во главе со своими ведущими, от которых требовались немалые мастерство и искусство.

почти всех мужчин рода Ливиев...³ По всей вероятности, точно установить отцовство Друза так никогда и не удастся.

Тиберий и сам принадлежал к этому роду. Ему было девять лет, когда скончался его отец, и его отослали жить к матери, таким образом он перешел под опеку Августа. Девять лет жизни с отцом – срок достаточный для того, чтобы сформировать и развить черты характера, полученные от природы и от предков. Одиноким маленький мальчик, сменивший общение со своим заурядным отцом на тот большой и блестящий мир, в котором правили Ливия и Август, был достаточно взрослым, чтобы почувствовать значимость перемены. Он справлялся со своими трудностями с теми же упорством и почти угрюмым мужеством, что впоследствии всегда были заметны в его характере.

Были вполне объяснимые причины, по которым Август не мог взять на себя все заботы о своем новом подопечном, старшем пасынке Тиберии. Девятилетний мальчик обладал таким характером, что сумел произнести публичную речь на похоронах своего отца. Эта попытка, возможно, и не была шедевром, однако девятилетний мальчик, способный выступить на публике в торжественном случае, выказывал качества необычные. Он был распорядителем погребальных игр своего отца. Август и Ливия позаботились о том, чтобы у него было для этого достаточно средств... И эта способность совершать поступки, причем без изыяна и ошибок, как и всякую работу, которую Август ему поручал, была тем средством, которое открыло ему сначала путь к славе, а затем к империи.

Хотя поначалу отношения его с Августом носили характер некоторой неловкости, отпечаток чего остался навсегда, у нас нет оснований полагать, что Август был плохим отчимом. Юный Тиберий получил прекрасное образование по всем дисциплинам – литературе, праву и военной науке, – необходимое для его будущей карьеры. Он был хорошо развит физически, привлекателен, светлокот, с жесткой копной волос, доставшейся по наследству от Клавдиев. Как большинство хорошо образованных людей, он был чувствителен и мог бы почувствовать розовый лепесток под двенадцатью перинами, подобно сказочной принцессе. Физическую чувствительность можно преодолеть упражнениями, и Тиберий вырос крепким, здоровым юношей. С чувствительностью душевной справиться труднее, и он едва ли получил такое образование, которое способствовало бы этому; он оставался застенчив и несколько неловок, его утонченность обнаруживала себя в очевидном непостоянстве, в таких вещах, как нелюбовь к выражению чувств, любовь к поэзии, в том, что он не терпел глупцов, в склонности к простоте; он настолько выделялся свойствами, которых люди обычно стесняются, что оставался загадкой для его критиков. Он понимал разницу между смелостью и нахальством или между прямоотой и наглостотой и никогда их не путал. Порою он принимал извне симпатию к себе, однако чаще отвергал ее. Его трудно было раскусить. Он тщательно оберегал свой внутренний мир и сторонился тех, кто пытался перейти грань.

У него с самого начала было некое духовное убежище, что-то вроде позднейшего Капри. Он укрывался в своей крепости при малейшей провокации. У него было обостренное чувство справедливости и чувство беспристрастности, где не было места почитанию отдельных личностей – включая самого себя. В то же время он необычайно остро ощущал несправедливость по отношению к себе и в этих случаях замыкался... Станные вещи чувствительность производит с душой человека.

Большие способности, основанные скорее на трудолюбии и здравом смысле, чем на блеске натуры, отчужденность и индивидуализм, точность восприятия и самостоятельность в суждениях делали его хорошим лидером. С теми, с кем сталкивался, он оставался холоден,

³ Ливия, однако, не происходила из семьи Ливиев Друзов. Ее отец, усыновленный фамилией Ливиев, происходил из рода Клавдиев. Тем не менее несчастья преследовали имя Друзов; и, так или иначе, очень мало из тех мужчин, которые носили это имя, избежали насильственной смерти или несчастной судьбы. Читатель встретит на страницах этой книги четырех человек по имени Друз и сможет убедиться в этом сам.

беспристрастен и осторожен, глядя на вещи трезво и оценивая их в целом; и в то же время он был точен в суждениях, был великодушным, однако не всегда приветливым начальником: тип человека, который поделится рубашкой, но не симпатией. Характер скорее полезный, чем удобный.

Ни одна причуда судьбы ни на чем не сказала так сильно, как на имени Нерон. Это был когномен одной из самых выдающихся фамилий знатного рода Клавдиев. Его не запятнал ни один член этой семьи, законно носящий это имя. Слава Гая Клавдия Нерона, который отправился маршем в Метавр и одержал победу над Гасдрубалом, а также способствовал окончательному поражению Ганнибала, никогда не угасала в Риме. Однако все Нероны померкли, когда их имя было украдено бесславным человеком, который не был Нероном – он вообще не относился к роду Клавдиев, – императором «Нероном», чье настоящее имя было Луций Домиций Агенобарб. И никакая сила теперь не сможет отменить этого обстоятельства и устранить эту несправедливость, ни восстановить фамильную честь Неронов, отнятую Домицием. Император Нерон не был Нероном. Однако Тиберий им был, он заслуженно носил это имя, в его жилах текла кровь консула, который перехитрил Ганнибала и победил Гасдрубала. И он также был военным и политиком, с присущими этой фамилии качествами сильного и живого характера.

Август был человеком поверхностным, что, впрочем, не мешало его власти. Он становился основательнее по мере роста своего влияния, но, мудрея, он все-таки не приобрел того, что дается воспитанием в истинно древних родах... Он никогда не притворялся, что любит Тиберия. Любя общество, беседы и будучи скорее широким, чем глубоким, он не испытывал симпатии к переменчивому, более сложному, основательному и в то же время эксцентричному характеру своего пасынка. С некоторым неприятием и удивлением он наблюдал и не одобрял неторопливость, врожденную и воспитанную интеллигентность, сдержанность, утонченность, которые как бы проскальзывали сквозь его ум, ни в чем не совпадая с чертами его собственного характера.

Ливия была третьей женой Августа. Первую вряд ли стоит считать таковой; если он даже и жил с ней, то этот эпизод был слишком короток и не оставил никакого следа. Его второй брак со Скрибонией был гораздо серьезнее; однако это был прежде всего дипломатический брак. Луций Скрибоний Либон был тестем и главным сторонником Секста Помпея в те стародавние дни гражданских войн. Август – тогда он был еще просто Октавианом – женился на его сестре Скрибоний, чтобы не дать молодому Помпею объединиться с Марком Антонием. Через год такая необходимость отпала; и с поспешностью, которая могла против него свидетельствовать, он развелся с ней в тот же день, когда на свет появилась единственная его дочь Юлия, о которой мы еще не раз услышим, прежде чем закончим рассказ о Тиберии.

Его истинным браком в высоком смысле был брак с Ливией, дорогой его сердцу (а сердце у него было); с ней он делил симпатии, вкусы и личные пристрастия. Для Августа было истинным несчастьем, что этот брак оказался бездетным. В этом отношении счастье, которое не покидало его в других делах, оставило его. Ему хотелось бы иметь родного сына от Ливии, которого он мог бы вырастить и воспитать и который продолжил бы его дело. Но он так и не родился.

Ливия происходила из старого аристократического рода и славилась красотой и сильным характером. Дамы из аристократических родов жили дольше своих мужей, и Ливия, кругом общения которой был лишь двор Августа, где она могла проявить себя, была достаточно сильной, чтобы проложить себе путь сквозь жестокую конкуренцию эпохи поздней республики, когда Цезарь еще только начинал свою карьеру. В имперском Риме она главенствовала в обществе, подобно орлице среди цыплят. В соответствии с заведенными ею правилами легкомысленная и свободная жизнь периода республики определенно вышла из моды. Они с Августом подавали пример простой и добропорядочной семейной жизни, не нарушаемой скандалами

или ссорами, эти люди считались с мнением и чувствами друг друга и сумели прожить в гармонии.

Ливия, естественно, была достаточно влиятельна, чтобы продвигать двоих своих сыновей. Насколько распространялось ее влияние – одна из неразрешенных загадок истории. Если она рассчитывала на естественный ход событий, которые приведут их к власти, она рассуждала разумно; однако некоторое холодное благоразумие и умеренность характера, который служил Августу некоей защитной атмосферой, могли распространяться и на Ливию, сдерживая ее энергию. Естественно, что в душе Августа Юлия была на первом месте. Ливия, похоже, не боролась против этого естественного предпочтения. Август отвечал на ее сдержанность тем же вниманием к ее предпочтениям. Едва ли заботясь о Тиберии, он искренне любил Друза, но к обоим он был равно справедлив и даже щедр. Весьма вероятно, что он учитывал их значимость во втором ряду наследников. Если бы Юлия умерла, они стали бы самыми вероятными наследниками. Об атмосфере, царившей при дворе Августа, многое говорит то обстоятельство, что мы не слышали ни о малейшем намеке на интриги или соперничество между ребенком Скрибонии и детьми Ливии. Да и трудно было в присутствии Августа зародиться чему-то столь дикому или ужасному. Он решал все человеческие проблемы с присущими ему спокойствием и разумностью.

Таким образом, Юлия была важной персоной. Вокруг нее сосредоточивались все планы Августа на будущее – планы, никоим образом не связанные с пустыми амбициями, но относящиеся к судьбам великой цивилизации... Не могло быть и речи о том, чтобы место Августа заняла женщина; ибо, кто бы ни стал его наследником, он становился главой огромного войска, охранявшего римский мир; но он вполне мог полагать, что такими наследниками, возможно, станут или ее муж, или родившиеся в будущем дети.

Сама Юлия, разумеется, прекрасно осознавала это свое предназначение. В год триумфа Августа ей было десять лет. Ей было двенадцать в год проведения Троянских игр. Ей едва исполнилось четырнадцать, когда Август официально усыновил Марцелла как своего преемника и наследника и отдал ему Юлию в знак подтверждения его возвышения.

Все это было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго... У Августа, разумеется, были свои причины, о которых мы сегодня не знаем. Красивый молодой жених, сын Октавии, и очаровательная умная невеста, дочь Августа, были двоюродными братом и сестрой. Юлию воспитывали очень заботливо, однако сама атмосфера была не слишком здоровой. Чем бы ни руководствовался Август, все произошло уж слишком рано. Оба молодых человека слишком рано развились. Весь блеск Марцелла не мог отменить того факта, что выбор Августом наследника был странным – своеобразной игрой с фортуной. Не только Марцелл был совершенно неискушен, но и в его предках не было ничего дающего надежды ожидать, что он вырастет в выдающуюся личность. Хотя дальние родственники Марцелла и произвели на свет многих способных людей, это не было тем основанием, на которое можно было опереться. Трудно избежать впечатления, что очень много семейных причин – может быть, слишком много – влияло на планы Августа.

Золотой сон продолжался два года. Затем, несмотря на все усилия тогдашних врачей, Марцелл умер в возрасте шестнадцати лет, оставив Юлию очень молодой вдовой. Это большое горе, однако, было скорее потерей для семьи, а не для политики. Сам Август произнес надгробную речь. Когда тактичный Вергилий прочел вслух хвалебные строки, посвященные Марцеллу, Октавия упала в обморок. Все это было очень печально. Наследование принципату, однако, было делом, которое следовало устраивать методами более серьезными, нежели браки и обмороки. Угловатый Тиберий в этом же году получил первую свою официальную должность квестора.

Была некая характерная предопределенность в первых должностях Тиберия: в основном это была работа, связанная с юриспруденцией. Он успешно выступал защитником в имперском

суде и перед сенатом, получил два особых производства, в обоих из которых преуспел: одним было расследование дел о поставках зерна, другим – инспекция тюрем для рабов. Поступали сведения, что держатели этих тюрем имели привычку похищать свободных граждан и брать с них выкуп, а также укрывать военных дезертиров... Все это, без сомнения, было очень скучно, по сравнению с карьерой Марцелла, но, очевидно, Тибериусу это нравилось. Его давно интересовала именно такая работа. Он также получил первый воинский опыт в Испании, где полным ходом шло покорение кантабрийцев... Пока он был в Испании, Август задумал второй брак Юлии, и теперь он выбрал ей мужа, в корне отличного от предыдущего, а именно человека, который после него был самым влиятельным из живших тогда римлян: Марка Випсания Агриппу, победителя сражения при Акции. Агриппа был ровесником Августа – крепким мужчиной сорока двух лет; крепкого сложения, скорее похожий на сельского жителя, чем на городского модника... Что о нем думала Юлия, мы не знаем.

Было, несомненно, трудно решить проблему поиска мужа для Юлии. Выбор Агриппы был не так уж и плох⁴. Он был достаточно силен и способен со временем стать преемником Августа, если возникнет такая необходимость. Более того, он был доверенным и надежным человеком, способным внушить благоговейный страх и произвести впечатление на юную девушку, которая была слегка избалована и потрясена смертью Марцелла. Юлия едва ли выказала слабость, попав в крепкие руки Агриппы. А он, будучи ее мужем, не терял времени. Юлия, длинноносое большеглазое создание, превратилась в римскую матрону с пятью детьми. Два старших сына – Луций и Гай – безусловно были истинными наследниками Августа, родились также две дочери, Юлия и Агриппина. О последнем, пятом ребенке, Агриппе Постуме, мы услышим в свое время.

Слабость второго брака Юлии заключалась в сопровождающих его несоответствиях. Чтобы жениться на Юлии, Агриппа развелся с младшей сестрой Марцелла. Опыт показывает, что двое людей не могут подходить друг другу, если руководствуются лишь холодным расчетом. Когда дети подросли, обнаружилась нестабильность этого соединения; Луций, Гай и Юлия, кажется, переняли все черты у своей матери и ничего – от отца, одна лишь Агриппина унаследовала нестигаемое упрямство своего отца и холодную силу характера; а младший, Агриппа Постум, в опасной степени соединил в себе самые слабые стороны обоих родителей... Судя по всему, и в повседневной жизни они мало общались. Занятый военный человек и администратор имел мало общего со своей молодой женой. Он был ровесником ее отца. Его воспоминания, работа, интересы полностью отличались от того, что занимало Юлию. Он часто отсутствовал. Испанская и иллирийская кампании завладели его вниманием и временем. Под влиянием всего этого, не находя удовлетворения, которое мог принести ей равный брак, теперь, в отсутствие мужа, она постепенно стала неукротимой. Она была очень красива, ее остроты были известны всему Риму, а положение предоставляло ей безграничные возможности в обществе. Уже тогда поползли слухи, будто она всю использовала эти возможности и находила простой способ найти себе компанию, способную предоставить то, чего не мог дать муж...

Августу не следовало удивляться. Юлия очень рано стала слишком взрослой, поощряемой со всех сторон и возбуждаемой женщиной. Ее природный неудержимый темперамент, в неко-

⁴ Агриппа был одним из друзей юности Августа. Его происхождение неясно, и он стеснялся своего простого имени Випсаний, которое на современный слух звучит довольно необычно. Он был одним из самых влиятельных людей своего времени. Это не был человек творческого склада, однако в нем были та стремительность действий и железная выдержка, которых не хватало Августу. Два проведенных им морских сражения стали абсолютно победными. Он выиграл их в значительной степени благодаря не полководческому таланту, а техническому превосходству. Кроме кораблей, его очень занимала архитектура. Под его руководством, помимо других больших начинаний, был построен Пантеон. Он закончил начатый великим Цезарем большой обзор обитаемого мира, на основании чего была высечена на мраморе огромная карта, установленная в галерее Полла в восточной стороне Марсова поля. Это был значительный прогресс в географических познаниях той эпохи. Агриппа входил в число тех прославленных военных инженеров, что составили славу Рима, и его сильный характер и практицизм были типично римскими чертами. По характеру суровый, он, по-видимому, был образован и обладал определенным вкусом.

торых отношениях слишком несдержанный, в других – подавляемый, становился несколько извращенным. Август, возможно, чувствовал, что успех его семейной политики стоил некоторого риска, и он согласен был не замечать некоторых ее последствий, до тех пор пока соблюдались внешние приличия. Если так, он значительно переоценил свою власть и способность удержать свою дочь, коль скоро она почувствовала свободу.

Тем временем карьера Тиберия развивалась неторопливо и пристойно. Его природный дар иметь дело с вещами непопулярными получил признание, а человек, любящий работать, никогда не останется без дела, даже и не требуя за это наград. Он сопровождал Августа в длительной поездке на восток. Август доверял ему важные дела. Именно он привез захваченные парфянами у Красса после поражения при Каррах штандарты, которые Август путем недолгих переговоров сумел выторговать у парфянского царя. Возвращение на родину этих штандартов считали одним из величайших достижений Августа. Именно Тиберий с поразительной эффективностью уладил армянскую проблему. Армянам требовался новый царь, и Тиберий им вовремя в этом поспособствовал. Он вернулся домой, не проведя ни единого сражения и не пролив ни капли крови, – факт, вызвавший недоброжелательный комментарий в Риме.

Дата женитьбы Тиберия точно неизвестна. Это была скучная, пристойная, обычная счастливая свадьба, не затрагивающая ничьих партийных интересов. Тиберий уже несколько лет был обручен с Випсанией, дочерью Агриппы от первого брака⁵. Свадьба Друза была более впечатляющей. Он женился на Антонии, дочери триумвира и сестры Августа Октавии, и таким образом стал племянником Августа. Хотя оба брака носили политический характер, они оказались удачными. Один, несомненно, заставил присмотреться могущественного Агриппу к своему зятю, и отличная военная подготовка, которую, безусловно, получил Тиберий, оправдывала такой интерес. Военные качества Тиберия были скорее основательными, чем блестящими, что весьма импонировало Агриппе. Если Випсания сочетала в себе сильные качества отца с мягкостью и блестящим кругозором своего деда, она, похоже, была идеальной женой для такого сложного, неоднозначного человека, как Тиберий, и неохота, с которой он расставался с ней несколько лет спустя, показывает, что их связывали не только формальные узы.

Однако женитьба Друза, по-видимому, подтверждала его положение любимца: она была и более лестной, и не менее выгодной. Очевидно, что Август пристально наблюдал за судьбой этой пары, нередко вмешиваясь в события на их стороне за счет интересов Тиберия. Последний не возражал, даже когда предубежденность против него была слишком явной, однако вряд ли можно осуждать его за то, что порой он испытывал горечь, вызванную постоянным предпочтением.

Друз был примерным мужем. Не было лучшего примера соответствия строгому моральному кодексу, принятому при дворе Августа, и он, несомненно, повысил престиж благонаправленной семейной жизни, так ценимой Ливией и Августом и так почитаемой в армии. Люди во все времена внимательно следят за моральными качествами своих правителей. Однако стали ли дети Друза воплощением возлагавшихся на них Августом надежд – вопрос другой и более спорный.

У Тиберия и Випсании был один сын, которого называли Друзом в честь дяди, он вырос в сильного юношу, которого, как мы увидим дальше, постигла печальная судьба всех Друзов.

Справедливое отношение Августа и, возможно, его осмотрительность, которую Ливия старалась обратить в свою пользу, способствовали тому, что он позаботился, чтобы Тиберий и Друз прошли хорошую школу государственного управления, которую предоставляла общественная магистратура. Разумеется, Друз имел возможность получить любую должность, какую хотел, в то время как лишь способности Тиберия открывали ему доступ к желаемой цели. Оба молодых человека хотя и по разным причинам, стремились проявить себя в серьезном деле

⁵ Випсания представляла еще интерес тем, что была внучкой Тита Помпония Атика, друга и корреспондента Цицерона.

как можно более рано. Тиберий в особенности обладал тем даром, который во все времена заставляет расценивать человека как отмеченного судьбой, – а именно даром достигать цели, несмотря ни на какие трудности. Очевидно, обстоятельства не слишком способствовали тому, чтобы он постоянно был счастлив. Не было, однако, и непреодолимых препон, препятствующих его желаниям. Его жизнь была подобна акростиху, который, как ни читай – сверху вниз, снизу вверх или по диагонали, звучит одинаково.

И не имея даже иных причин, Август мог бы занимать и продвигать Тиберия в надежде, что, удовлетворив страсть пасынка к работе, он умерит тем самым его амбиции. План этот был проведен в жизнь. Тиберий творчески относился как к процессу работы, так и к ее результату, он находил удовлетворение в хорошо сделанной работе, любил ее ради нее самой. Для людей этого типа работа есть лекарство, которое подспудно подавляет их амбиции. Держать Тиберия постоянно занятым означало предоставить наследникам Августа неоценимую помощь, оставляя место для них свободным... Таким образом, все в его жизни складывалось так, чтобы продвигать его вперед.

Тиберию было двадцать два года, когда он получил должность претора: это был взрослый человек, стремительно мужавший. Год спустя события повернулись так, что в большой степени определили область его интересов на всю оставшуюся жизнь. Завоевание Цезарем придало северу особый, почти романтический интерес: оно позволило отодвинуть границы Рима к Рейну, к германским землям, оно также сделало Рейн привлекательным, как всегда привлекают дикие, вновь открытые и едва управляемые края, – это чувство знакомо жителям Южной Африки, Техаса или Аризоны в Новое время, когда люди должны были с оружием в руках охранять вновь завоеванные границы. Самые интересные проблемы римского мира были связаны с Рейном и с побережьем Северного моря. Более цивилизованной части римского общества много привлекательного, хотя, возможно, менее полезного предлагала также и неповторимая цивилизация Востока, – но именно к крайним северным границам устремлялись взоры тех, кто любил новизну и приключения.

В 16 г. до н. э. сикамбры, проживавшие на среднем течении Рейна, с помощью тенкретов и узипетов стали совершать рискованные пограничные набеги. Они переправлялись через реку и внедрялись прямо в сердце римской провинции. Были тяжелые столкновения и жестокие нападения; германцы захватили орла Пятого легиона и тем самым растревожили осиное гнездо. Август настолько серьезно оценил ситуацию, что отправился туда сам, взяв с собой Тиберия. В Галлии Август оставался четыре года.

Тиберий уже побывал в Азии, послужил в Испании, однако впервые преодолел Альпы. Он видел эти огромные горы, которые пересекал в разных направлениях Цезарь и через которые Ганнибал переправлял своих слонов, он видел поселения племен на вершинах гор, их красочную варварскую жизнь, их одетых в шкуры бородатых жителей, огромных собак и громадные просторы. Присутствие Августа несколько успокоило потревоженный улей. Сикамбры и их союзники были отброшены римскими войсками и галльскими отрядами обратно за Рейн, после напряженной паузы наступили спокойствие и порядок.

Для Тиберия это была возможность оглядеться и приобрести необходимый опыт. Вряд ли его предпочтения, которые он выказывал, имели большой вес для Августа, однако романтическая природа Друза, очарованного дикой и здоровой жизнью варваров, быть может, была более весомой причиной, по которой Август держал пасынков рядом с собой в Галлии. Друз был слишком молод, чтобы поручать ему важные командные должности. Следовательно, Тиберий – суровый и надежный молодой человек – получил управление Галлией, а также некоторую долю ответственности за своего брата. С Тиберием, который за ним присматривал, Друз мог упиваться приключениями и романтикой сколько влезет, и, судя по последующим событиям, делал это сполна, однако это не слишком заботило Тиберия.

Четыре года, проведенные Августом в Галлии, были необычайно важны. Были ли тому причиной набеги сикамбров, или просто так сложилось, но он получил возможность осмотреть и реорганизовать северные границы Рима. Были проведены некоторые пограничные корректировки. После года правления Тиберий вместе с Друзом были переведены на другие должности, которые помогли им заняться активной службой. Они встали во главе экспедиционных войск, которые вошли и покорили Рецию и Винделикию. Вторжение сопровождалось яростной борьбой, включая морское сражение на озере Констанца.

Тиберий был очень молодым человеком, которому поручили высшее командование. Август тем самым решил его испытать, и Тиберий отлично с этим заданием справился. Он миновал все препоны и не допустил ни единой ошибки. Он не высовывался и прислушивался к опытным воинам, которые знали границу, как собственный сад. К тому времени, когда операция была завершена, он выдержал самое суровое испытание – испытание профессиональной армией. Он не завоевал их безграничной любви – Друз был гораздо более популярен в войсках. Тем не менее он завоевал их уважение.

Завоевание Реции и Винделикии (вместе с той частью Норика, в которой стояла Паннонская армия) предоставило весь северный склон Альп в распоряжение римлян и позволило установить такие границы, что стали возможными прямые коммуникации между рейнской и дунайской армиями. Источник опасности, которая при определенных обстоятельствах могла обратиться серьезной бедой, был устранен. Стратегические пути стали охраняемыми, так что в случае необходимости по ним быстро можно было добраться из Италии.

Эти меры, еще долго оказывавшие влияние на положение в Европе, не могли быть приняты без серьезного обсуждения и исследования местности, а также без согласия главнокомандующего. Тиберий подробно ознакомился с причинами аннексии Реции и Винделикии, а также с подготовкой новых линий коммуникаций. Ничего не могло быть полезней для предназначенного судьбой преемника Августа, это дало ему полное понимание военной политики. Однако мысль о том, что именно Тиберий предназначен для этой роли, могла случайно лишь прийти в голову весьма непосвященному человеку. Избранником, наверняка предназначенным на эту роль и обладавшим всеми качествами опытного военного, вне всякого сомнения, был Агриппа. И даже в случае смерти Агриппы между Тиберием и престолом стояли еще три сына Агриппы... Только чрезвычайные обстоятельства могли сделать его вероятным кандидатом, и даже тогда оставался большой вопрос, захочет ли Август, имевший в этом вопросе решающее мнение, принять его в этом качестве.

Некоторые сомнения и подозрительность, от которых он никогда не мог избавиться, определяли его отношение к старшему пасынку. Он наблюдал и направлял Тиберия все эти годы очень пристально и пристрастно, и это принесло свои плоды, привело к тому, что он нехотя признал его. На Тиберия была возложена задача прямой ответственности за военные действия, сообразуясь с соображениями экономики. Это была тема, к которой Август относился очень щепетильно, и здесь Тиберий проявил себя с лучшей стороны. Он отлично справился и с тем и с другим поручением. Его управление Галлией закончилось не по военным, а по политическим причинам. Теперь, когда первая серия невероятных обстоятельств осталась позади, начались удивительные приключения Тиберия.

Глава 2

Причины и следствия становления мировой империи

Последствия смерти Агриппы затронули многих людей и отразились на многих событиях. Изменилась и судьба Тиберия. Август никогда не правил единолично. Он не был индивидуалистом и жил в атмосфере совещаний и обсуждений. Август начал свою карьеру в должности триумвира, и что-то от триумвира всегда оставалось в нем. Он искал другого Агриппу.

Без сомнения, было весьма трудно относиться к Тиберию с теплым человеческим чувством. Он не отвечал сердечностью на радушие Августа, а у Августа не хватало теплоты, чтобы растопить неприятие пасынка. Тем не менее Тиберий естественным образом был назначен на место преемника Агриппы. Тиберий вернулся домой и оказался чем-то вроде мула, осознающего свою полезность. В том, что он преуспел, сомнений не было. В предыдущем году он получил почетную должность консула, что, впрочем, не сделало его более влиятельным, чем Публий Квинтилий Вар (о котором мы еще услышим). Он, таким образом, приобрел титул консуляра и вошел в тесный, избранный круг высших магистратов государства. Было нечто еще важное, что витало в воздухе. Юлия вновь овдовела, и Август прикидывал, как урегулировать ситуацию.

Августу следовало многое обдумать. Такой человек, как он, вероятно, не мог обойтись без советчика. На него, безусловно, влияла Ливия, не важно, понимал он это или нет. На принятие решения у него ушел не слишком большой срок, чтобы обдумать важный для себя план, принятый к осуществлению.

Исследуя решения Августа, мы должны иметь в виду его заботы. Он находился в положении, не ведомом ни одному современному человеку. Если бы мы, словно через темное стекло, могли увидеть гигантскую перспективу политического объединения мира, столь далеко отстоящего от нас, это лишь отчасти диктовало бы наши практические решения. Но Август стоял перед свершившимся фактом. Известный ему мир – весь мир, который он знал, – был

объединен единой политической системой, а сам он был его главой. Он видел реально то, что мы можем представить лишь как невозможный идеал, и здесь он обладал опытом, который настолько превосходит наш собственный, что при всей благожелательности мы не можем полностью воспринять эту удивительную истину. И как во всех подобных случаях, следовало отрезвляющее разочарование. Он не мог идеалистически рассуждать о прекрасной мечте, поскольку управление государством таковой не являлся. Это было весьма прозаическим делом: фискальных расчетов, налогообложений, правовых процедур и другой рутины, лежащей в основе внешне привлекательных аспектов руководства.

Август не стремился стать во главе мировой империи, он был предназначен к этому силами, стоящими вне его возможностей и контроля. Если бы он уклонился от задачи, предложенной ему обстоятельствами, он, вероятно, со временем повторил бы судьбу Марка Антония – возможность, которую любой разумный человек с полным основанием постарался бы избежать. Все сомнения были отброшены, оставалось найти наиболее подходящие способы сделать монархическую власть стабильной, поскольку, если бы эта власть начала шататься, она разнесла бы в куски контролируемый ею мир. Император не возглавляет процессы, движущие цивилизацией, он лишь направляет их, поддерживая их мир и гармонию. Мир, порядок и справедливость были тем, что заботило главу римского мира. И заботы Августа не имели других целей, кроме осуществления этих условий. Человечество иного не требовало.

Его власть и положение покоились на его способности предоставить людям эти дары. Если бы он не сумел этого сделать, создавшие его силы безжалостно его же и уничтожили бы. Он не был простым исполнителем – не был он и деспотом, атаманом, управляющим толпами людей. Огромная мощь цивилизации, неукротимая энергия ее созидательных и экономических сил, так легко доступная контролю, поскольку он оговаривал принятый им курс, смели бы его или отправили в заточение, если бы он попытался с ними бороться. Он зависел от общественного мнения и от поддержки тех, кто ему доверял. Степень его свободы действий была, таким образом, ограничена и определена. Он мог бы, по невежеству или глупости, развалить эту цивилизацию, однако скорее она смела бы его. Он зависел от разумного обмена мнениями. В соединении своих интересов и интересов окружающих он мог способствовать обоим возможностям.

Скорее всего, он их никогда не различал. Пилоту в его собственных интересах не требуется метафизической отделенности от своего самолета. Единство интересов – вещь слишком очевидная, а их разделение – слишком коварно и опасно.

Таким образом, стабильность принципата – вопрос не простой личной заинтересованности. Он коренится глубоко внутри личных амбиций, так же как и в личных и неличных соображениях, которые переплетены слишком тесно, чтобы их разделять.

Основы мировой империи, которой управлял Август, покоились на общих законах, действующих везде и всегда. Производство, осуществляемое людьми со всеми вытекающими последствиями, торговля (ибо производство может успешно развиваться лишь через обмен товарами между людьми) имеют тенденцию распространяться вовне и увеличиваться concentрическими кругами. Их распространение выходит за рамки старых обособленных общественных групп и способствует появлению новых, более крупных общественных образований. Этот процесс распространения нельзя остановить. Развитие торговли в общественных отношениях можно сравнить с такими не зависящими от нас категориями, как силы гравитации и химические свойства материи: они одинаково неотменимы. Человек может контролировать и манипулировать некоторыми из них, но ни в коем случае не способен устранить эти силы вовсе. Поэтому во все века в любой стране мы наблюдаем на практике схожие процессы: производство поощряет торговлю, а торговля меняет состав мелких общественных образований до тех пор, пока все общество не становится единым. Естественным результатом является мировая империя.

Тем не менее ни один человек, каким бы добродетельным он ни был, не выполняет на практике в точности то, что было задумано в теории. Любое совершенство, как бы мало оно ни было, моментально становится вечным, нерушимым и неизменным. Изъян во всех вещах, созданных смертными, становится отправной точкой процессов, способствующих его изменению. Разумеется, много изъянов было и в мировой империи, в которой господствовали римляне. Римское господство охватывало не весь обитаемый мир, тем более оно не вобрало его в себя. Римляне даже не представляли себе его величины, не имели представления о форме земного шара, хотя несколько древних философов в своем уединении могли привести доказательства того, что земля имеет более или менее выраженную сферическую форму. Римляне в действительности лишь объединили в один политический организм разнообразные человеческие сообщества, принадлежавшие к некоему роду производственного типа. Это была мировая империя, сделанная на скорую руку, она преследовала практическую цель, и мы, оглядываясь назад, можем видеть, что она стала неизменным основанием для последующих процессов, которые ломали старые и создавали новые ответвления – и это строительство продолжается до сих пор... И в самом деле, обозревая ход истории, насколько мы ее знаем, можно заключить, что эволюция общества заключается не в медленном росте одного-единственного организма, но в созидании и разрушении нескольких организмов друг за другом, при этом каждый вносит элементы, опущенные предыдущими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.